

Story

ЭЛИЗАБЕТ
УИЛСОН

ИГРАЯ С ОГНЁМ

История

МАРИИ ЮДИНОЙ,

пианистки сталинской эпохи

БОМБОРА

Проект TRUESTORY. Книги, которые вдохновляют

Элизабет Уилсон

**Играя с огнем. История
Марии Юдиной, пианистки
сталинской эпохи**

«ЭКСМО»

2022

УДК 78.071.2:929(470)
ББК 85.315.3(0)6-8

Уилсон Э.

Играя с огнем. История Марии Юдиной, пианистки сталинской эпохи / Э. Уилсон — «Эксмо», 2022 — (Проект TRUESTORY. Книги, которые вдохновляют)

ISBN 978-5-04-243825-7

Уже в семнадцать лет Мария Юдина сказала, что посвятит свою жизнь Музыке: «Искусство — мое призвание как путь к Богу». Всю жизнь она следовала своему предназначению. Юдина была на пике своей славы во время Второй мировой войны, почти ежедневно выступая по радио, играя концерты для раненых и солдат, а также выступая для жителей блокадного Ленинграда. Впоследствии была уволена по идеологическим соображениям из трех институтов, где преподавала. И все же, по словам Шостаковича, Юдина оставалась «особым случаем... Океан ей был по колено...». В этой сенсационной биографии Элизабет Уилсон рассматривает необыкновенную жизнь Юдиной в контексте ее времени, на фоне интенсивного интеллектуального и религиозного брожения послереволюционного периода и последующей сталинской эпохи. Книга украшена редкими фотографиями и иллюстрациями из музеев и частных коллекций.

УДК 78.071.2:929(470)
ББК 85.315.3(0)6-8

ISBN 978-5-04-243825-7

© Уилсон Э., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Играя с огнём	7
Предисловие	8
1	11
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Элизабет Уилсон
Играя с огнём
История Марии Юдиной,
пианистки сталинской эпохи

Elizabeth Wilson

Playing with Fire. The Story of Maria Yudina, Pianist in Stalin's Russia

* * *

Copyright © 2022 Elizabeth Wilson

© Фаворский Владимир Андреевич, наследники, фото, 2026

© Назаров Яков Сергеевич, фото, 2026

© Санкт-Петербургская академическая филармония им. Д.Д. Шостаковича, фото, 2026

© Ярославский художественный музей, фото, 2026

© Российский национальный музей музыки, фото, 2026

© Лукашина Ю., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Играя с огнём

*Даниэлю и Раду, чье превосходное исполнение музыки уже более
полувек обогатит мою жизнь*

Элизабет Уилсон – исполнительница, педагог и автор книг. Она училась в Московской консерватории у Мстислава Ростроповича по классу виолончели. Ее перу принадлежат биографии Дмитрия Шостаковича, Жаклин дю Пре и Мстислава Ростроповича.

Это первая полная биография бесстрашной Марии Юдиной, блестящей пианистки, занимавшей одно из центральных мест в культурной жизни Советской России.

Мария Юдина была уникальным музыкантом. При огромном количестве почитателей ее таланта жизнь Марии была аскетичной. Она дружила с Борисом Пастернаком, Павлом Флоренским, Михаилом Бахтиным и многими другими выдающимися деятелями литературы и искусства. Существует легенда, что она была любимой пианисткой Сталина.

В годы сталинских репрессий Юдину то восхваляли, то низвергали, пик ее славы пришелся на время Великой Отечественной войны. Она неоднократно выступала на радио, играла в госпиталях для раненых солдат и для жителей блокадного Ленинграда. В последние годы жизни из-за религиозных убеждений и страстного увлечения современной музыкой ее уволили с должности преподавателя из трех учебных заведений. По словам Шостаковича, Юдина оставалась особым случаем: «Ей было море по колено».

В этой увлекательной биографии Элизабет Уилсон описывает необычную жизнь Юдиной в контексте ее времени, сопоставляя ее музыкальную карьеру с интенсивным интеллектуальным и религиозным брожением послереволюционного времени и суровыми буднями советского периода.

«Эта книга – захватывающая картина трагического периода русской истории. В центре повествования – величественная фигура Марии Юдиной, выдающейся пианистки и одной из самых влиятельных личностей советской культурной жизни. Увлекательнейшее чтение».

БОРИС БЕРМАН, руководитель кафедры фортепиано, Школа музыки Йельского университета

«Дочь британского посла в СССР и сама амбассадор русской музыки и музыкальной культуры, Элизабет Уилсон вкладывает в свои произведения собственный опыт жизни в Советской России, учебы в Московской консерватории и знакомства с несколькими поколениями русских музыкантов. Удивительно, что такая книга не была написана раньше; неудивительно, что в итоге ее написала Уилсон».

ОЛЬГА МАНУЛКИНА, Санкт-Петербургский государственный университет

«Увлекательное сочинение о выдающейся русской пианистке XX века на понятном и доступном языке. Давно нужна была такая книга, рассказывающая о работе и жизни Марии Юдиной через воспоминания ее современников и серьезные архивные исследования».

ЕЛЕНА ДУБИНЕЦ, художественный руководитель Лондонского филармонического оркестра

Предисловие

*Творчество продолжает то, что начал Бог, не с целью
приумножить то, что создано руками человека, а вечные творения
Божии.*

Бердяев, «Смысл творчества»¹

Играя с огнем – son fuoso – этими словами можно охарактеризовать жизнь и творческую манеру великой русской пианистки Марии Вениаминовны Юдиной. Ей постоянно приходилось рисковать, неуклонно следуя своим твердым художественным и нравственным убеждениям в крайне сложных внешних обстоятельствах. Поступки Юдиной были продиктованы ее верой в то, что творчество человека имеет божественное начало, это отражено и в словах русского философа Николая Бердяева в эпиграфе к предисловию.

Юдина была родом из семьи образованных евреев-агностиков, живших в маленьком городке в черте оседлости. Переехав в Санкт-Петербург/Петроград в раннем подростковом возрасте, она продолжила учебу в головокружительной творческой среде самого культурно развитого города России. Именно на фоне революции и общественных потрясений она заняла свое место среди выдающихся музыкантов и мыслителей-гуманистов страны.

Юдина была не только исключительно одаренной пианисткой. Один из выдающихся русских философов, Михаил Бахтин, в чей кружок она вступила в восемнадцать лет, отмечал ее способности философа, а Борис Пастернак считал Юдину одной из своих наиболее проныцательных читательниц. Величайший духовный деятель и человек энциклопедических знаний, священник Павел Флоренский стал ее другом; он указывал Юдиной, что ей необходимо смирить мятежный дух. Уже в семнадцать лет она сказала, что посвятит свою жизнь музыке: «Искусство – мое призвание как путь к Богу».

Приняв православие в возрасте девятнадцати лет, она рассматривала свою жизнь как служение людям. Достижение добра было императивом, и она бесстрашно заступалась за тех друзей и коллег, которых арестовывали и преследовали в 1920-х и 1930-х годах, когда православная церковь подвергалась нападкам, а интеллигенция находилась под угрозой истребления. Она ездила по объектам ГУЛАГа, передавала послания заключенным священникам, отправляла посылки и деньги «несчастливым», используя выражение Достоевского.

Юдину, уволенную из трех образовательных заведений за религиозные убеждения, периодически лишали концертной деятельности, и не в последнюю очередь из-за ее поддержки современной музыки. В годы Великой Отечественной войны она была на пике славы, вела радиопередачи и давала концерты для военных и жителей тыла, на фронте, в госпиталях и в блокадном Ленинграде. Она жила бедно: у нее никогда не было своего фортепиано, не говоря уже о мебели, – всю жизнь она одалживала деньги и отдавала долги. Она умерла в 1970 году вскоре после своего семьдесят первого дня рождения. Сам факт, что ей удалось выжить, пройдя огонь, воду и медные трубы, был сопряжен с непрерывной драмой и является скорее чудом.

Как музыкант Юдина заслужила свое место в истории исполнительства, она была приверженцем и надежным интерпретатором великих композиторов своего времени, от Хиндемита и Прокофьева до Шостаковича и Стравинского. Именно она, больше чем кто-либо другой, убеждала Стравинского вернуться в Россию, чтобы отпраздновать его восьмидесятилетие. В последние годы жизни она предпочитала исполнять исключительно современную музыку, быть медиумом будущего. Свою редчайшую онтологическую силу Юдина отдала службе современ-

¹ Бердяев, *Смысл творчества*, стр. 225.

ной музыке. Единственные в своем роде интерпретации она зачастую основывала на повествовательной линии, дополненной образным рядом, духом, а порой и буквой партитуры.

В обширной дискографии Юдиной множество записей живых концертов, хотя техническое качество записи часто не соответствует стандартам. Тем не менее именно благодаря записям в начале 1980-х годов началось признание Юдиной на Западе, оно подкреплялось легендами, долетавшими из Советской России. Самая известная из них рассказывала, что по специальному требованию Сталина за одну ночь она записала Концерт ля мажор (К. 488) Моцарта. Эта история прочно укоренилась в народном сознании, хотя подтверждения ее истинности нет. К примеру, недавно (в 2017 г.) она была использована в начале фильма Армандо Ианнуччи «Смерть Сталина», а в Италии и Франции появились книги с заголовками, в которых Юдина названа «любимой пианисткой Сталина». Более подробно изучив эту историю и изложив ее в «Дополнении», я решила не включать ее в текст биографии, который основан на проверенных фактах. Я всегда была настроена скептически в отношении этой легенды. В России она стала поистине фантастической благодаря утверждениям некоего Иоанна Блаженного о том, что Юдина была его духовной супругой и тайной монахиней по имени Серафима, и что она была удостоена Сталинской премии, – эти заявления можно смело игнорировать.² Что касается меня, я впервые услышала о Юдиной в Москве, когда училась в классе Ростроповича в Московской консерватории во второй половине 1960-х годов. Музыкантам она была известна своим оригинальным исполнением и глубоким прочтением Баха, «Картинок с выставки» Мусоргского, фортепианных произведений Стравинского и поздних фортепианных сонат Бетховена – в частности, «Хаммерклавира» и соч. 111. Мне довелось слышать разнообразные легенды о ее странностях: что она спала в гробу (неправда), спала в ванне (частично правда: в своей первой московской квартире она спала на досках, положенных поверх ванной), она была монахиней (неправда), она была любимой пианисткой Сталина (как уже сказано, скорее всего, это миф).

К сожалению, я никогда не слышала, как она играет, хотя приехала в Москву за шесть лет до ее смерти. Однако Юдина тогда находилась в опале и редко публично выступала. Я купила ее записи и была очень впечатлена. Я горько сожалею, что не была на лекциях по романтизму, которые она читала в консерватории в 1966 году, хотя я, возможно, не поняла бы широкого диапазона философских отсылок, цитат из русской поэзии и многого другого. Если бы я встретила с Юдиной, меня, возможно, напугал бы ее грозный вид, напоминающий о пророках, хотя, по заверениям ее друзей, у нее было добрейшее сердце.

Мое желание написать о Марии Юдиной восходит к середине 1980-х годов, когда ко мне обратился графический дизайнер и фотограф Дэвид Кинг. Дэвид, известный своей замечательной коллекцией советских журналов, графических карикатур и фотографий, сделанных в 1920–1930-х годах (коллекция сейчас находится в галерее Тейт Модерн), с огромным энтузиазмом относился к Юдиной и ее записям. «Слушай, нам нужно написать о ней книгу», – сказал он. По образованию я виолончелистка и хорошо знаю русский язык, но на тот момент никогда в жизни ничего не писала. Дэвид явно думал о чем-то похожем, глядя на свои великолепно оформленные издания, в которых изображения говорят громче слов. Мы совершили пару исследовательских поездок в Москву и Ленинград, где встретились с хранителями наследия Юдиной: ее биографом Анатолием Кузнецовым, одной из ее любимейших учениц и последовательницей Мариной Дроздовой и сыном ее двоюродного брата Яковом Назаровым. Они были чрезвычайно добры и любезны, а также организовали для нас встречу с другими людьми, связанными с Юдиной, в том числе с ее двоюродным братом, дирижером Гавриилом Юдиным.

Чем больше я узнавала о Юдиной, тем меньше я чувствовала готовность писать о ней – не в последнюю очередь потому, что я была решительно настроена показать ее жизнь на фоне

² Блаженный Иоанн: *Фортепианное Евангелие Марии Вениаминовны Юдиной*, Киев, 2012.

эпохи. С музыкальной стороной я бы справилась, но я не чувствовала в себе достаточную компетентность, чтобы рассказать о необычайных событиях ее жизни, интеллектуальных и религиозных движениях 1920-х годов, ее встречах с выдающимися личностями из разных слоев общества, а также о подпольной жизни простых людей во времена сталинизма с его многочисленными ужасами – арестами, репрессиями, тюрьмами и лагерями. Тем не менее я начала исследовательский процесс и связалась с такими людьми, как Роберт Крафт, Борис Филиппов, Карлхайнц Штокхаузен, Пьер Булез, взяла интервью у Геннадия Рождественского, Николая Каретникова и Эдисона Денисова и познакомилась с вдовой Пьера Сувчинского в Париже. Я заказала у Сьюзен Брэдшоу статью о пианистке Юдиной, в 1988 году подготовила радиопрограмму для Radio 4, а в следующем году активно участвовала в серии программ Radio France, подготовленных Надин Дюбурвье и Марком Флорио.

В 1990 году я переехала в Италию и начала писать о музыке и музыкантах. Книга о Юдиной была отложена, и прошло около двадцати пяти лет, прежде чем я почувствовала себя готовой вернуться к этому проекту. Я связалась с Дэвидом Кингом в декабре 2015 года, когда он собирал свою коллекцию для отправки в галерею Тейт Модерн. У него остались фотографии Юдиной. Мы договорились найти способ написать книгу вместе. К сожалению, этого не произошло – он умер примерно пять месяцев спустя.

За прошедшие годы в России было опубликовано невероятное количество материалов о Юдиной, тома ее собственных сочинений и воспоминаний, чужие воспоминания и семь больших томов ее переписки с многочисленными друзьями. Я начала писать эту книгу около шести лет назад. В сентябре и октябре 2019 года при поддержке Фонда Олега Прокофьева я провела около пяти недель в архивах Санкт-Петербурга и Москвы.

В Москве я узнала, что мои коллеги Марина Дроздова и пианист Алексей Любимов составляют новую антологию материалов Юдиной для издания в России. Они также разыскали и выпустили много ее записей. Большую часть их открытий составили неопубликованные письма Юдиной различным корреспондентам; я рада сообщить, что некоторые материалы, найденные мной в архивах, были добавлены в эту антологию. Кроме того, наш французский коллега Жан-Пьер Колло, живущий в Германии, обнаружил в парижской Национальной библиотеке тайник с неопубликованными письмами Юдиной Пьеру Сувчинскому. Результатом этой находки стала впечатляющая публикация в 2020 году полной переписки между Юдиной, Сувчинским и другими людьми.³

К моей невероятной удаче, нам удалось объединить немалую часть наших исследовательских усилий, поделившись новым материалом и проведя много обсуждений. На самом деле наши цели были разными, поскольку, несмотря на огромное количество опубликованных томов о Юдиной, биографии в общепринятом хронологическом формате не было, что оставляло вопиющий пробел, который, я надеюсь, восполнен этой книгой. Обмен знаниями с такими выдающимися коллегами превратил написание биографии в необыкновенное удовольствие, внося разнообразие в то одиночество, с которым сопряжен писательский труд, – а из-за пандемии коронавируса он был еще более уединенным, чем обычно.

Элизабет Уилсон,

Кумиана, Италия, 27 мая 2021 г.

³ Maria Youdina – Pierre Souvchinsky, Correspondence et Documents 1959–1970, Paris: Contretemps, 2019.

1

Детство и юность Невель, Петроград

Я знаю лишь один путь к Богу – чрез искусство.
Мария Юдина

*За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен
отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось
бездейственным в ней.*

Михаил Бахтин⁴

10 сентября 1899 года (30 августа по старому стилю) в Невеле, небольшом городке в черте оседлости Витебского уезда⁵, родилась Мария Вениаминовна Юдина. Она была четвертой из пяти детей интеллигентной еврейской семьи. Родители Марии исповедовали общечеловеческие ценности и идеалы, но не религиозные традиции предков.

Невель населяли преимущественно евреи, четверть его жителей считали себя православными. О прежних временах, когда город находился под властью Польши и Литвы, напоминали немногочисленные католики. В год, когда родилась Мария Юдина, главную городскую площадь украшал архитектурный ансамбль Успенского православного собора, Спасо-Преображенского монастыря и католическая часовня, построенная Радзивиллами. В городе было по меньшей мере восемь синагог.

От Невеля тех времен мало что осталось: в 1941–1944 годах немецкой оккупации большую часть зданий разрушили, еврейское население города практически полностью уничтожили. После Второй мировой войны некоторые церкви уцелели, но в начале 1960-х годов все городские религиозные сооружения снесли по идеологическим соображениям. По словам Юдиной, Невель был местом, где могли найти своих героев «...не только Шолом-Алейхем, но и Чехов, и Андрей Платонов. И, конечно, мир великого, незабвенного, гениального Михоэлса».⁶ Пожалуй, то же можно было сказать и про Марка Шагала, который начал свою карьеру художника в соседнем Витебске.

Мать Марии, Раиса Яковлевна Юдина, необыкновенно добрый и мягкий человек, нравилась всем без исключения. Вера, младшая сводная сестра Марии, писала: «Она была образованной по тому времени, дети ее обожали». Кроме того, в семье жила всеми любимая гувернантка Шведе, «огромная тучная женщина, неистощимая на всякие выдумки – театр теней, живые картины, шарады».⁷

Вениамин Гаврилович Юдин, отец Марии, порядочный и трудолюбивый человек, все свое время и силы отдавал больнице Невеля, где работал старшим врачом. Подобно многим земским врачам⁸ из рассказов Чехова или «Записок юного врача» Булгакова, он был агностиком и чрезвычайно серьезно относился к своим общественным обязанностям. Его дочь от второго брака Вера описывала его так:

⁴ Лучи божественной любви, стр. 25; Бахтин М., Искусство и ответственность, стр. 1, стр. 610.

⁵ В настоящее время Витебск – город в Беларуси, Невель – город в Псковской области РФ.

⁶ Там же, стр. 95.

⁷ Пламенеющее сердце, стр. 6.

⁸ Местная администрация, или земство, назначала земского врача обычно из интеллигентной благонадежной среды.

«Выходец из бедной многодетной еврейской семьи, отец рано стал самостоятельным, начиная с 4 класса гимназии (он учился в Витебске) он зарабатывал на жизнь уроками, а затем помогал и семье. Несмотря на отчаянную бедность, поехал в Москву, в Университет, и в 1887 году окончил медицинский факультет у Склифосовского, Захарьина и других знаменитых медицинских деятелей того времени. Вернувшись на родину, отец застал безотрадную картину – маленькую грязную больницу "Приказа общественного призрения". В городе не прекращались эпидемии брюшного тифа. И вот отец начал, как говорится, с нуля и в течение пятидесяти лет вел будничную самоотверженную работу. Много хорошего написано о земских врачах. Все это по праву относится и к нашему отцу. Он не только лечил городских жителей и окрестных крестьян, но неустанно хлопотал и добивался расширения больницы, открытия амбулатории, постройки артезианских колодцев, выступал с лекциями, участвовал в открытии школ и т. д. и т. п. Энергия у отца была удивительная. А характер – вспыльчивый и неровный. В семье рассказывались истории о том, как отец накричал на губернатора, спустил с лестницы какого-то именитого гостя. Все это было вполне в его духе».⁹

Семья Юдиных жила в двухэтажном деревянном доме на Монастырской улице, на берегах реки Еменки, недалеко от того места, где она впадает в озеро Невель. Дом окружал большой сад, рядом были огород, беседка и купальня. «Старые невеличане помнят, как зимой в большой лисей шубе спускался к своей купальне на Еменке невелицкий городской врач Вениамин Гаврилович Юдин».¹⁰ От отца Мария унаследовала решительный характер, смелость, порывистость и невероятную работоспособность. Музыкальный дар передался ей по материнской линии. Ее двоюродный брат, выдающийся пианист и дирижер Илья Слатин, основал Харьковское отделение Русского музыкального общества, Харьковский симфонический оркестр и музыкальное училище.

Мария, или Маруся, или Марила, как ее называли в семье, начала играть на фортепиано в семь лет. Вскоре ее взяла в ученицы Фрида Давыдовна Тейтельбаум-Левинсон, бывшая ученица Антона Рубинштейна, награжденная золотой медалью Санкт-Петербургской консерватории. Оставив после замужества исполнительскую карьеру, Тейтельбаум-Левинсон стала известной преподавательницей в Витебске. Гавриил Юдин, двоюродный брат Марии, вспоминал: «Мать 2–3 раза в месяц привозила Марилу в Витебск. Дорога длиной в 100 км на поезде занимала около трех с половиной часов. После урока игры на фортепиано они на следующий день возвращались в Невель».

Гавриил вспоминал яркую внешность Марии:

«...огромный лоб, взгляд, выражавший удивительную для десятилетней девочки глубину мысли и концентрированность воли. <..> В ней органически сочетались серьезность не по годам (тогда это относилось в основном только к музыке) и живой веселый нрав, общительность. <..> Игра ее уже тогда во многом позволяла уловить те свойства, которые потом определили всю неповторимость ее зрелого артистического облика: значительность, масштабность, бетховенское *Es Muss Sein*, пружинящий, напряженный ритм и прежде всего неизменно высокий этический тонус всего музицирования». «Из всего, что она играла в те годы, я запомнил на всю жизнь две "Песни без слов"

⁹ Там же, стр. 5–6.

¹⁰ Лучи божественной любви, стр. 604.

Мендельсона: № 10 h-moll (Agitato e con fuoco,opus 30 № 4) и особенно мною любимую № 14 c-moll (Allegro non troppo,opus 38 № 2). Никто из слышанных мною впоследствии пианистов не сумел вложить в нее столько внутренней силы и убежденности, сколько эта девочка с толстой косой почти до колен, упрямо кивавшая за роялем головой, как бы поддакивая своей игре».¹¹

«В нашей тесной компании двоюродных братьев и сестер она принимала неременное участие как "режиссер" и "сценарист" наших детских игр, всегда придумывая какие-либо затейливые ходы в их сюжетном построении, изобретая хитроумные проделки и придумывая новые сюжеты».¹²

Юдина вспоминала свое детство как идиллию – «рай родительского дома» – с невероятным очарованием окружающей природы, пышной растительностью и полноводными реками:

«В детстве я сидела на раскидистых ветвях ивы у реки в родительском саду и пыталась писать стихи. Я сочиняла дурные стихи на немецком языке – на манер путешественника по степям Средней Азии, – восхваляя Божий мир и окружающие его красоты. Я описывала закаты, звезды, плеск волн и волшебные сумеречные часы. Позже я поняла, что мои стихи никуда не годились. Я начала читать настоящую поэзию и мечтала научиться стихосложению».¹³

Успехи Марии в игре на фортепиано стали так значительны, что в тринадцатилетнем возрасте ее привезли в Санкт-Петербург к знаменитой Анне Есиповой. «Мировая звезда» своего времени, Есипова была любимой ученицей (и бывшей женой) великого польского пианиста Теодора Лешетицкого¹⁴. Сначала Юдина училась у ассистентки Есиповой Ольги Калантаровой в младшем отделении Санкт-Петербургской консерватории, но вскоре ее перевели в класс Есиповой. Директор консерватории, композитор Александр Глазунов, входил в состав экзаменационной комиссии и дал такую оценку юной Марии: «От передачи блещет талантом и вдохновением. Необыкновенный музыкальный кругозор».¹⁵

Одноклассница Юдиной Ариадна Бирмак вспоминала: «...мое внимание привлекла девочка лет 12–13. Крупная, несколько тяжеловатая, она выглядела старше своих лет. Высокий лоб, слегка выющиеся каштановые волосы, заплетенные в две тугие косы. В лице ничего примечательного, но взгляд серых глаз, внимательный, пытливый, как бы читающий мысли собеседника, придавал ее лицу особое, не по годам суровое выражение, что и делало ее непохожей на других. Одета она была в темную матроску, ничего яркого, броского. Она трудно сходилась с подругами, не принимала участия в наших затеях и все свободное время читала».¹⁶ Как вспоминала Бирмак, Есипова требовала от своих учеников присутствовать на уроках друг друга. «Анна Николаевна никогда не пропускала ошибок ни в нотах, ни в выполнении своих указаний. Это сразу дисциплинировало ученика, приучало к ответственности. Есипова не кричала, не швыряла нот, как это делали другие педагоги, но если Анна Николаевна тихо произносила: "Милочка, это никуда не годится", ученица понимала, что надвигается гроза, и была рада унести ноги. Есипова ценила Марию за ее спокойную вдумчивость и мгновенную реакцию. <..> Есипова часто одобрительно кивала головой и ласково улыбалась ей. А на похвалы Анна Николаевна была скупа». Бирмак отмечала, что у Юдиной были «отличные, пианистически удобные

¹¹ Вспоминая Юдину, стр. 61–62.

¹² Там же.

¹³ Мария Юдина, Статьи, воспоминания, материалы, стр. 17.

¹⁴ Среди учеников Лешетицкого были Игнаци Ян Падеревский, Артур Шнабель, Мечислав Хоршовский и Игнац Фридман.

¹⁵ Дроздова М., Уроки Юдиной, стр. 14.

¹⁶ Пламенеющее сердце, стр. 94–97.

руки, большие, с широкой ладонью. Уже в тринадцать лет она могла брать дециму и не имела проблем с техникой аккордов и октав. Звук был плотный, мощный, но легкость и прозрачность вначале не были ей свойственны».¹⁷

Десять месяцев обучения у Есиповой, работа над звуком, стилем постепенно сделали игру Юдиной блестящей. Как и ее одноклассники, Мария получала бесплатные билеты на концерты и слушала выдающихся артистов того времени – пианиста и композитора Ферруччо Бузони, скрипачей Жака Тибо и молодого Яшу Хейфеца. Она присутствовала и на выступлениях дуэта Есиповой с известным скрипачом Леопольдом Ауэром. Юдина обожала читать. С Бирмак они обменивались книгами и ходили в музей. Круг чтения Марии выходил далеко за рамки требований консерваторской программы; она запоем читала Платона, романтиков и великих русских писателей девятнадцатого века.

В августе 1914 года, когда Есипова неожиданно скончалась, Глазунов перевел Юдину в класс молодого профессора Владимира Николаевича Дроздова – любимого ученика Есиповой, прекрасного композитора и музыковеда. Юдина стала самой младшей ученицей в классе Дроздова. Она писала: «Все ученицы безумно любили его, он был молод, красив и замечательный пианист». Юдина, очень юная и очень увлеченная музыкой, держалась особняком. На одном классном концерте «...однажды я, видимо, здорово, выражаясь молодежным жаргоном, сыграла Органную фантазию и фугу g-moll в переложении Листа и пожинала шумные овации... Владимир Николаевич изрек, что "за Баха такой успех не фунт изюму"».¹⁸ Дроздов расширил репертуар Юдиной, отточил ее технику игры и усовершенствовал звучание, настаивая на том, что мощное форте никогда не должно заглушать мягкость звукоизвлечения.

В 1916 году Юдина стала брать уроки у известного польского пианиста Феликса Блуменфельда, одновременно продолжая официально заниматься у Дроздова – вероятно, без ведома последнего. Разносторонний музыкант, Блуменфельд изучал фортепиано, дирижирование и композицию в Санкт-Петербургской консерватории. Ученик Римского-Корсакова, Блуменфельд не разделял его взглядов и не поддерживал принципы «Могучей кучки»¹⁹. Его фортепианные сочинения гармонически напоминали Скрябина, а стилистически – Кароля Шимановского, которому он, кстати, приходился родственником, как и пианисту Генриху Нейгаузу. Блуменфельд был известен не только фортепианными интерпретациями Шопена, Шумана и Листа, но и исполнением современной музыки, не в последнюю очередь и своей собственной. По общему мнению, если бы он сосредоточился исключительно на фортепиано, а не занимался дирижированием, то был бы самым блестящим пианистом своего поколения. Однако сфера деятельности Блуменфельда была шире: он еще и ставил оперу в Мариинском театре. Убежденный вагнерианец, Феликс дирижировал русскую премьеру «Тристана и Изольды» в 1909 году в провокационной постановке Всеволода Мейерхольда.

В 1910-х годах здоровье Блуменфельда ухудшилось, и к 1917 году его частично парализовало. Он больше не выступал, но продолжал преподавать в альма-матер, Петроградской (бывшей Санкт-Петербургской) консерватории. В 1918 году он перешел в Киевскую консерваторию, где среди его учеников был Владимир Горовиц. С 1922 года и до самой смерти в 1931 году этот выдающийся педагог преподавал в Московской консерватории.

Блуменфельд многое сделал для расширения музыкального кругозора Юдиной. Как и он, Мария не желала ограничиваться фортепиано и в 1915 году поступила на композиторский и дирижерский факультет Петроградской консерватории. Особенно ее вдохновляли уроки по дирижированию и ударным инструментам Николая Черепнина, ей нравилось играть на литав-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Лучи божественной любви, стр. 110.

¹⁹ Название дано группе отечественных композиторов В. Стасовым в 1867 г. В нее входили М. Балакирев, Ц. Кюи, М. Мусоргский, Н. Римский-Корсаков и А. Бородин.

рах и тамтаме в студенческом оркестре. Юдина называла свои уроки «настоящими симфониями» – они охватывали оркестровый репертуар от Гайдна до Дебюсси, от Шуберта до Рихарда Штрауса. Черепнин стал ее музыкальным кумиром, восхищая своим безупречным музыкальным вкусом, строгостью и элегантной манерой держаться. Юдина характеризовала его словами Гете: «In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister» («*Лишь в чувстве меры мастерство приметно*») – «мастером» слова я, конечно, не являюсь, однако мне, современному музыканту, совестно утратить меру».²⁰ Юдина поражалась его огромной эрудиции и вместе с тем сдержанности и подлинной скромности: «Я не помню ни единого анализа, ни одного чтения его партитуры, его сочинения. Я несколько критически (уже тогда – девчонка в 15–18 лет – эдакая нахалка!!) относилась к его сочинениям из-за некоего импрессионистского эпигонства».²¹

Профессора композиции Василий Калафати и Максимилиан Штейнберг были одними из лучших в Санкт-Петербурге. Калафати преподавал контрапункт многим поколениям композиторов, в том числе Стравинскому и Прокофьеву. Штейнберг пользовался не меньшим уважением, продолжая традиции своего тестя Римского-Корсакова. Самым известным его учеником был Дмитрий Шостакович. Вдохновленная любовью к полифонии и музыке Баха, Юдина какое-то время брала уроки игры на органе у профессоров Жака Гандшина и Николая Ванадзиньша. На ее интерпретации Баха также повлиял Исай Браудо, один из самых известных органистов Советского Союза и близкий друг Юдиной.

Летом Мария возвращалась в Невель. Ее двоюродный брат Гавриил вспоминал: «Увлекалась она тогда и своеобразным "хождением в народ". Один из эпизодов этого "хождения" чуть не окончился трагически. Она отправилась в поле – помогать знакомым крестьянкам жать рожь. Спустя час или два Марила вернулась домой. Кисть ее правой руки была туго замотана носовым платком, из-под которого сочилась кровь. Мать осторожно размотала платок. Картина, которую мы увидели, была ужасна. Большой палец правой руки держался у нее почти только на сухожилии – настолько глубоко порезала она его серпом, обращаться с которым у нее, естественно, большой сноровки не было... Каким-то чудом палец зажил, и пианизм ее не пострадал».²²

Раннее духовное и интеллектуальное развитие оказало влияние на всю ее жизнь. На семнадцатилетие родители подарили ей дневник. Он стал для девушки неким стимулом для упорядочения мыслей. Первая из них такая: «30 VIII 1916 г. – Приехала в Петроград и начинаю жить для искусства». Затем последовало не менее возвышенное заявление: «Я не утверждаю, что мой путь универсальный, я знаю, что есть и другие дороги. Но чувствую, что мне доступен лишь этот; все божественное, духовное впервые явилось мне через искусство, через одну ветвь его – музыку. Это мое призвание».²³ Так называемый Невельский дневник, написанный в Петрограде и в родном городе Марии, свидетельствует о ее интеллектуальных и духовных поисках в этот период становления личности.

Когда Юдиной исполнилось восемнадцать лет, она попала в водоворот революции и политических перемен. Учитывая ее происхождение и то, что она разделяла взгляды русской интеллигенции в последние тяжелые годы царизма, неудивительно, что Юдина с энтузиазмом встретила Февральскую революцию 1917 года и отречение царя. Она недавно поступила на петроградские женские бесплатные учительские курсы Лесгафта²⁴. Их преподаватели придерживались демократических взглядов и участвовали в политических волнениях. Юдину тоже

²⁰ Там же. Стр. 111.

²¹ Там же.

²² Пламенеющее сердце, стр. 26.

²³ Лучи божественной любви, Невельские дневники, стр. 25.

²⁴ Названы в честь основоположника современной физической культуры Петра Лесгафта (1837–1908).

охватил революционный пыл, захлестнувший Петроград. Тогда Россия впервые, на короткое время, почувствовала вкус демократии.

Когда в здание курсов Лесгафта явилась милиция с приказом прекратить их работу, Мария присоединилась к уличной толпе:

«В те дни, выйдя из дому, стихийно направилась с потоком людей и добрела и до района консерватории, и до курсов, о коих уже кое-что знала; там кипела – тоже стихийно – жизнь: кого-то кормили, кого-то вооружали, кого-то перевязывали, требовались люди грамотные, прыткие, храбрые... Я немедленно "пригодилась". В первом этаже, в одной из аудиторий, был склад оружия. Вооружали выпущенных из "Литовского замка" – тюрьмы поблизости. И я вооружала, кого мне велели; я подчинялась тоже стихийно и бездумно – велели что-то ради народа, стало быть, хорошо <. > Мне, между прочим, тоже выдали винтовку – заряженную – и научили обращению с нею: но она, негодная, все-таки однажды самосильно выстрелила, и, прошед сквозь четыре этажа, пуля, слава Богу, на 5-м никого не ранила! Меня не покарали, не наказали, только весь день дразнили, подшучивая – эх, мол, вояка! – и все-таки еще показали некие правила стрельбы – и все обошлось!»²⁵

После этого приключения к Юдиной зашли ее подруга Евгения Оттен (будущая крестная мать) и ее сестра Вера. Они вспоминали, как Мария, смеясь, рассказывала о том, как она и ее товарищи, как оказалось, «раздавали оружие убийцам и ворам».²⁶ Затем Юдина поспешила домой на улицу Пушкина, где жила на квартире со старшими сестрами Флорой и Анной. Флора училась в Психоневрологическом институте имени Бехтерева, а Анна была студенткой естественных наук на курсах Лохвицкой-Скалон. Успокоив их, что она жива, Мария поспешила вернуться к своим товарищам по революционным делам. Милиция проводила перепись населения. «Мы все прикрепili красные ленточки к своим пальто и ходили к людям группами по 2–3 человека, чтобы зафиксировать "состав" населения». Однажды в этой суете Юдина случайно столкнулась со своим кумиром, профессором Черепниным:

«Николай Николаевич остановился с изумлением как вкопанный. "А мы вас искали, недоумевали, беспокоились! – воскликнул он. – Что это такое?" – и он дотронулся до милицмейской повязки... Я пришла в смятение, в сознании вновь вспыхнули увертюры Вебера, симфонии Шуберта, Моцарта, моя игра в студенческом оркестре на литаврах, я ничего не могла возразить и только что-то промямлила про долг перед народом <..> Черепнин глядел на меня <..> с симпатией учителя к "обезумевшему" ученику».²⁷

Юдину к тому времени назначили секретарем Коломенского отделения народной милиции в Петрограде. Она приходила в класс с книгами записей и папками, разбухшими от огромного количества деловых бумаг, и кидала их на стол вместе с нотами. Ее двоюродный брат Гавриил вспоминал: «Черепнин в притворном ужасе вскрикивал: "Мария Вениаминовна, как вы думаете, где вы находитесь? Это дирижерский класс или участок милиции?"».²⁸

К лету 1917 года Юдина оставила свою должность в милиции, завершила учебный год в консерватории и обучение на воспитательницу на курсах Лесгафта. В середине июня, за несколько месяцев до своего восемнадцатилетия, она приехала в родительский дом. Ее решение вернуться в Невель было связано с неопределенной политической ситуацией в Петрограде и с болезнью матери. Тогда у Марии впервые сильно заболели руки, случился приступ ревматической лихорадки, которая будет мучить ее всю жизнь и периодически мешать ей играть.

Наступило идеальное время, чтобы применить на практике знания, полученные на курсах Лесгафта. Юдина и несколько молодых учителей города объединились, чтобы открыть

²⁵ Там же, стр. 91–95.

²⁶ Пламенеющее сердце, стр. 60.

²⁷ Лучи божественной любви, стр. 91–95.

²⁸ Там же.

первую летнюю школу в Невеле. Им было разрешено использовать территорию городского парка. Позже Юдина вспоминала: «...мы там и открыли Первую детскую площадку в невелинском Городском саду, тенистом, с причудливыми аллеями, с широким кругом, усыпанным песком, столь пригодившимся нам для игр, с несколькими водоемами». ²⁹ Сорок детей, явившихся на занятия, разделили на две русскоязычные группы и большую еврейскую группу. «"Старшей" мы все признали еврейскую профессиональную учительницу, великолепного педагога, с выдумкой, ответственностью, любовью к детям, маленькую, худенькую, добрую, ласковую, но умевшую, однако, держать группу "в узде". Мы все у нее учились». ³⁰

Комиссия, созданная городским советом, курировала школу, поддерживала и финансировала ее. Отец Юдиной принимал в работе школы активное участие. Мария восторгалась успехам детей за летние месяцы: «В конце "сезона", при наступлении осени ("осень, сказочный чертог" – Пастернак), когда уже золотился наш милый Городской сад, мы сдали городской комиссии... свою работу; все были довольны. Дети были горды и счастливы, будучи в центре внимания, получая скромные награды, мы плакали от радости, нам вручили "похвальные грамоты"». ³¹

В то же время не все шло гладко. Юдина писала:

«Были, однако, в течение занятий и некие скорби: в моей именно – русскоязычной – группе имелся "заводиловка", мальчик-переросток лет восьми-девяти, почти беспризорник, проживавший у нелюбимых и нелюбящих родственников, по имени Акинфа; он всем перечил, всех дразнил, смеялся над еврейскими детьми (акцент, жестикуляция, "завывания"...), дрался и т. п. Мы все (я особенно, ибо несла за него ответственность) его увещевали – словом и примером. Но однажды Акинфа перешел все границы возможного – кого-то избил, кому-то из старших нагрубил, что-то украл – и было "проголосовано" его изгнание; и когда наступило исполнение "приговора" – час разлуки, – заплакала непроизвольно я. И тут произошло Акинфино "второе рождение!" – заплакал и он; у всех просил прощения, украденное вернул и с тех пор всюду на территории "площадки" меня сопровождал, как верная собачонка; он также объявлял всем, что "за всю свою жизнь" (!) еще не видал, чтобы учительница плакала об ученике». ³²

Двоюродный брат Юдиной Гавриил вспоминал: «С работы она приходила настолько уставшая, что мгновенно засыпала прямо за обеденным столом, не дождавшись, пока старшая сестра принесет ей тарелку супа». ³³ Иногда Мария, ее братья и сестры купались в реке в глубине сада, а иногда они вместе с родителями отправлялись на целый день в путешествие на лодке. Они сплавлялись по Еменке до ближайшего озера Невель, а оттуда плыли по извилистой реке Плиссе, берега которой были сплошь усыпаны белыми лилиями. Река впадала в красивейшее Плисское озеро.

В свободное время Мария читала, в том числе философские книги, и разучивала оркестровый и оперный репертуар. Когда ее руки восстановились, она стала играть для родственников и друзей произведения Вагнера и Римского-Корсакова. Сама она больше всего любила «Парсифаль», но для двоюродного брата Гавриила, который предпочитал Римского-Корсакова Вагнеру, она часто исполняла «Сказание о невидимом граде Китеже».

По чистой случайности некоторые из лучших философских умов страны, в том числе Михаил Бахтин, Матвей Каган, Валентин Волошинов и Борис Зубакин, оказались в это революционное время в маленьком городке Невеле. Лидером в кругу мыслителей, окружавших Бахтина, был литературный критик Лев Васильевич Пумпянский (при рождении – Лейб Меерович

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Пламенеющее сердце, стр. 26.

Пумпян), он появился на свет в 1891 году в Вильнюсе в еврейской семье. Лев подружился с Михаилом Бахтиным и его братом Николаем во время учебы в Первой Виленской гимназии. В 1912 году Пумпянский поступил на романо-германское отделение Петербургского-Петроградского университета, где учился с перерывами до 1919 года. В 1915 году обучение прервалось, Льва призвали в армию. Случайно Пумпянский оказался под Невелем, там его языковые способности пригодились военной контрразведке: он переводил допросы немецких военнопленных. В свободное от службы время Пумпянский преподавал в Объединенной советской трудовой школе в Невеле и давал частные уроки латыни и современных языков.

В дневнике Юдиной есть запись, датированная 24 июня 1917 года, – возвышенное заявление: «В этот дневник я буду записывать лишь большие мысли, ведущие к свету. Фихте. Шеллинг. Гегель!» Впервые Юдина упоминает Пумпянского, называя его одним из друзей, «помогающих мне найти путь к Свету».³⁴ Другими Марии этого периода были также литературный критик и музыкант Евгения Оскаровна Тиличеева (урожденная Оттен) и выдающийся поэт и историк Борис Зубакин – великий Магистр Ордена Розенкрейцеров.

Блестящий филолог и эрудит, Пумпянский много сделал для духовного и литературного развития Юдиной. Он принял православие в 1911 году, тогда многие еврейские интеллектуалы отрекались от религии предков, обращались в христианство или вовсе отказывались от религиозных взглядов. Иногда они становились эллинистами, как поэт Осип Мандельштам. Были и социально-идейные революционеры еврейского происхождения, многие из них стали пылкими большевиками, пришедшими к власти во время революции, например Лев Троцкий.

Хотя Юдина выросла в семье агностиков, она чувствовала свои иудейские корни и знала еврейские традиции, с которыми она не могла не познакомиться в Невеле. Позже она вспоминала: «...по пятницам приходил один нищий самолично, мы его побаивались; он был высокого роста, в ермолке, в замусоленном лапсердаке, с длиннейшими пейсами <...>, не брал денег из женских рук и грозно кричал: "Айцхен копкес ауф'н тыш!" ("18 копеек на стол!") – 18 – мистическое еврейское число, 18 копеек всегда были приготовлены, и устрашающий старец уходил».³⁵ Даже после того, как Юдина приняла православие, она продолжала гордиться своим еврейским происхождением.

Дневник, хранящий ее мысли, чувства и убеждения, – это подробный отчет о духовном развитии Юдиной с июня 1917 года по февраль 1918 года. Она тщательно конспектировала все, что читала: Евангелие, отцов Церкви, немецких поэтов и философов. В дневнике можно найти цитаты великих писателей, стихи ее собственного сочинения и стихи Пумпянского. Летом 1917 года Юдина перевела большую часть «Исповеди» блаженного Августина с немецкого на русский язык, хотя уже существовал хороший перевод на русский язык с латинского оригинала.

В серьезном изучении Юдиной христианства постоянно чувствуется руководящее влияние Пумпянского. В дневнике она признается, что близость между наставником и ученицей постепенно переросла во взаимную любовь. Когда в феврале 1918 года записи в дневнике обрываются, она все еще сомневалась в истинной природе своих чувств. Этот первый опыт любви в душе девушки вызвал бурные, противоречивые ощущения и мучительный внутренний спор о разнице между духовной и страстной плотской любовью. Ни на минуту Мария не сомневалась, что их дружеский союз был освящен свыше. 1 августа 1917 года она пишет: «Дорогой друг мой, сегодня ты подарил мне твои лучшие мысли, и я навеки благодарна тебе за доверие и понимание. Я была права, говоря, что Его свет между нами, что дружба от Бога».³⁶ Из той же записи мы узнаем, что Пумпянский ненадолго уезжал из Невеля в Петроград: «Дорогой друг, тебя

³⁴ Лучи божественной любви, стр. 26.

³⁵ Там же, стр. 94.

³⁶ Там же, стр. 45–82.

поезд мчит в любимый близкий холодный город, ты смотришь в звездные очи, и мысли чистые и тихие промывают твой дух. И частица в этих мыслях для меня и от меня, ибо дорог мой томящийся, мятущийся дух!» Соотнося эти чувства с музыкой, Юдина пишет: «Бетховенский дух реет надо мной. Услышь его».³⁷

Возможно, вдохновившись военной службой Пумпянского, Юдина всерьез стала думать о том, чтобы уйти из дома и работать сестрой милосердия. Однако вскоре она отказалась от романтических планов ухаживать за ранеными солдатами на фронте, когда поняла, какие страдания ее родителям принесет такое решение. Примечательно, что в начале Второй мировой войны стремления Юдиной были похожими, в 1941 году она прошла курс первой помощи пострадавшим и приобрела базовые медицинские навыки.

Любовь Юдиной к Пумпянскому росла, она чувствовала, что теряет контроль над собой. «Что ты сделал со мною?» – признавалась она в своем дневнике. «Где мое одиночество, моя гордость! Я уверовала себя в нем, поэтому я умираю. Неужели его любви никогда не будет? Я не думала, что так полон мой дух будет светом и борьбой этого человека». Через две недели любовь сменилась желанием полной независимости. Возможно, Юдина поняла, что принимать любовь как данную Богом – самообман. «Вчера свершилось. Новый этап в моем духовном развитии. Я отошла от того, кому так безмерно много обязана, кто помог мне на моем пути. Это была ужасная дилемма роковая, но я убеждена, я верю, что разрешила ее правильно».³⁸

Однако сомнения остались: «Когда он здесь – легко, чудесно, чувствуется, что "это то", дружба, а когда нет – вся горю и сгораю в пламени любви. Как же быть?» Такая неопределенность приводила к мелким размолвкам. «Для чего я говорила ему эти злые слова! Прости, прости! Пойми, что я света хочу, света, и все, что во тьме светит, люблю и благословляю». Но через неделю мир был восстановлен: «Было удивительно, было чудесно, чем всегда была преодолена преграда непонимания и вражды, были опять глубокие слова, говорящие о духовной близости <...> Золотой осенний лес так вкрадчиво шумел, и тихо струились воды у ног наших, природа благословляла наш союз».³⁹

В середине сентября Мария решила отправиться в Петроград и уладить дела в консерватории. Воспаление рук еще не прошло, она не могла играть в полную силу. В городе в это время была неопределенная политическая ситуация, и вопрос о продолжении занятий повис в воздухе. Тем временем Пумпянского отправляли на Восточный фронт. Мысль о расставании вызвала у Марии волну отчаяния. «Вдруг стало страшно и жутко. Ведь он уехал на фронт! – "снаряды летать будут над его головой", над его, а не над моей, он пошел в огонь и кровь, а не я. И я как-то сразу этого не поняла, как-то не сообразила, что он может не вернуться, о Господи Боже, сохрани его средь бурь и битв! Он сейчас не должен умереть. <...> И я буду виновата целиком», – писала она. Мария решила остаться в Петрограде и дожидаться возвращения Пумпянского. Когда он приехал радостным и невредимым, Юдина удивлялась, как можно веселиться, «как будто не был там, где бой, где огонь и смерть. Все-таки это странно. Странно, странно, эта привязанность к жизни, ее благам так не совмещается с его основной духовной глубиной. Он действительно умеет жить в разных планах жизни, живя в одном, он как бы забывает о существовании другого, глубочайшего. Тут смешивается высшая мудрость с жизненной цепкостью».⁴⁰

Стоял конец сентября. Юдина была в смятении. Петроград вызывал у нее чувство беспокойства: «...как много людей, друг от друга далеких, здесь плачет один, а другому легко.

³⁷ Там же, стр. 45.

³⁸ Там же, стр. 47.

³⁹ Там же, стр. 47.

⁴⁰ Там же, стр. 48.

«Что за холодный, неприятный город!» Утешалась и радовалась она только в церкви: «Вчера впервые была на богослужении. Кажется, я приду к Христианству окончательно; хочу этого».⁴¹

Решение перейти в православие принималось Юдиной постепенно. Особенное влияние оказали на нее Евгения Тиличьева и Пумпянский, потом они стали ее крестными родителями. Мария знала, что ее обращение в христианство не понравится отцу, поскольку Вениамин Юдин был атеистом, хотя и руководствовался строгими моральными принципами. В свои восемнадцать лет Мария слыла идеалисткой, стремившейся к синтезу эллинистической культуры, русского символизма и немецкой философии. Она еще не окончательно решила, стоит ли ей присоединиться к Церкви.

В Петрограде Юдина нашла отраду в религиозном чтении, в частности в «Духовных основах жизни» Владимира Соловьева: «Глава о молитве – святая книга!» Она боролась со святым Августином, «...трудно читается бл. Августин (язык, главным образом), но я хочу и могу. Я добьюсь просвещения своего духа, Добьюсь? Откуда эта гордость?»⁴² Вернувшись в Невель к середине октября, Юдина принялась изучать эстетику греков, Гомера и Гесиода. Она научилась отличать Сократа в пересказе Ксенофонта от Платона. В это время она открыла для себя необыкновенную личность отца Павла Флоренского⁴³. Лингвист, философ, религиозный мыслитель, историк искусства, физик и математик, он отказался от блестящей академической карьеры, чтобы изучать теологию и стать священником. Юдина познакомилась с Флоренским, прочитав его основополагающий труд «Столп и утверждение истины», опубликованный в 1914 году. Этот трактат о христианской любви был написан в форме двенадцати писем к брату – символическому другу во Христе. Юдина вскоре отложила книгу в сторону, ибо у нее не было ни времени, ни сил, чтобы постичь все сложности. Но она приняла к сведению фундаментальное убеждение Флоренского, что только в православии можно найти истину. Если другие религии требовали подтвержденных доказательств природы Божественной Истины, то в православии проявление Истины является самоочевидным и самовоспроизводящимся, бытием в существующем и потому божественным по своей природе. Лучшее всего это выразил Флоренский: «Истина – это дискурсивная интуиция».

Обсуждение таких тем с Пумпянским оживляло их отношения, хотя неопределенность все еще существовала между ними. Юдину мучили конфликты, неспособность признаться и одновременно выразить свою любовь, отчаянное чувство неуверенности в себе. Потом она будет писать страстные письма новому – и обычно недостижимому – объекту своей любви, письма, которые зачастую так и не будут отправлены. Все в их отношениях уже было не так просто, как казалось в начале: «Это невысказано – он выше, выше, выше меня. Когда говорю с ним, то подлинно смиряюсь, до того он подавляет своим умом и вдохновением. Сегодня даже тоска взяла от сознания своей безнадежной малости».⁴⁴

В начале декабря состоялось взаимное признание в любви: «Вчера все раскрылось – кто сказал первый? – спрашивает Юдина. – Мы оба. <..> Всю ночь не спала и тихо плакала. Господи! Я потеряна в этом незнакомом, огромном счастье...» Но это счастье противоречило ее стремлению к непорочности – хотя, как и блаженный Августин, которого она сейчас читала в Публичной библиотеке, колебалась. «Да, я буду трудиться, я буду одинокой и сильной, но любви в моей жизни больше не будет <..> Единственное, что мне осталось, это стихи <..> Ведь и музыку люблю безнадежно, ведь и в ней я лишь сгораю в восторге преклонения, а творить не могу».⁴⁵

⁴¹ Там же, стр. 58.

⁴² Там же, стр. 49, стр. 59.

⁴³ Подробная информация о Флоренском в книге А. Паймон «Павел Флоренский. Тихий гений», 2010 г.

⁴⁴ Там же, стр. 52.

⁴⁵ Там же, стр. 65.

В начале января 1918 года Юдина поехала с Пумпянским в Петроград. Там все-таки они решили не видеться: «Мне нужно одиночество, отдых и покой. Только тогда я смогу проявить творческий подход», – размышляла она. Теперь она была сосредоточена на дирижировании и учебе у своего кумира Николая Черепнина. «Передо мной стоит одна цель. Дирижировать! Это вылечит меня и поможет мне вернуться в реальность. А пока я хожу с глубокой гноящейся раной. Я должна пережить это и победить». В дневнике она признается: «Сегодня учитель (Черепнин) был недоволен – неудивительно! Какая может быть работа в таком состоянии! Нет, довольно слез и стонов!»⁴⁶ Концерты Черепнина, посвященные Баху, произвели на нее сильное впечатление: «Сегодняшний концерт был лучший! Был праздник, а это самое главное в искусстве! Николай Николаевич был на высоте в смысле волевого устремления, но жест у него просто некрасивый».⁴⁷

Записи о творчестве или о его отсутствии нередки в ее дневнике. Она уже разделяла идею Бердяева о художнике как сотворце Бога и его веру в религиозную природу творческого гения: «Творческий акт всегда есть уход из "мира", из этой жизни. Творчество по существу своему есть расковыривание, разрывание цепей. Это не есть опыт послушания, это – опыт дерзновения».⁴⁸ Слова Бердяева: «Творческий путь гения требует жертвы – не меньшей жертвы, чем жертвенность пути святости»⁴⁹, нашли отклик у Юдиной. Чтобы чувствовать в себе потенциал такой формы «гениальности», она бы принесла любые жертвы.

Дневник Юдиной обрывается в начале февраля 1918 года. Узнав о стремительном ухудшении здоровья еще достаточно молодой матери, она поспешила домой. Раиса Яковлевна Юдина умерла 24 марта предположительно от сердечной недостаточности. По словам подруги детства Марии Раисы Шапиро, мать за последнее время так сильно располнела, что ей требовались два стула, чтобы сидеть. Многие горевали, узнав об этом несчастье. Люди почувствовали себя обездоленными после смерти Раисы Юдиной, ведь она была очень добросердечной и любила не только своих детей, но и всех детей вообще. «Вскоре после этого Маруся дала концерт в местном клубе Дворянского собрания в Невеле, где оделась во все черное, в платье матери. Я был ошеломлен ее игрой».⁵⁰

Уже тогда Мария стала носить простую, почти монашескую одежду. Она сильно выделялась на фоне других молодых женщин, которые надевали короткие юбки и стригли волосы. Эльга Линецкая, еще одна подруга детства, вспоминала: «Тогда уже носили короткие платья. Она же ходила в платье, можно сказать подол до самой земли. Необычайно прямая, вообще не глядевшая по сторонам».⁵¹

Юдина решила остаться в Невеле, чтобы помогать семье. Особенно ее беспокоил младший брат Борис, талантливый скрипач с неустойчивым характером. Его воспитанием в доме, где преобладали женщины, пренебрегали. Мария решила взять на себя ответственность за брата, но не на время, а навсегда. Это была неблагоприятная задача, поскольку у Бориса было слабое психическое здоровье: он периодически страдал маниакальным расстройством, ему было трудно придерживаться какого-либо одного направления учебы или работы.

Ранней весной Юдину отвлек от ее горя приехавший молодой философ и теоретик европейской культуры и семантики, двадцатитрехлетний Михаил Михайлович Бахтин. Человек магнетического обаяния и природного авторитета, Бахтин посвятил свою жизнь теории литературы и стал наиболее известен своими исследованиями Достоевского и Рабле. С 1913 года он

⁴⁶ Там же, стр. 77–78.

⁴⁷ Там же, стр. 80.

⁴⁸ Бердяев Н., Смысл творчества, стр. 178.

⁴⁹ Там же, стр. 173.

⁵⁰ Вспоминая Юдину, стр. 16.

⁵¹ Лучи божественной любви, стр. 606.

изучал историю и философию в Новороссийском университете в Одессе, а в начале 1918 года поступил в Петроградский университет. Когда в результате революционных событий занятия в учебных заведениях практически прекратились, в Петроград неожиданно приехал близкий друг Бахтина Пумпянский. Бахтин вспоминал: «В Петрограде есть было нечего, поэтому Пумпянский убедил меня присоединиться к нему в Невеле – там я мог заработать денег, да и еды было вдоволь».⁵²

В то время, когда Бахтин прибыл в Невель, он еще не опубликовал ни одного сочинения. Два года, которые он провел там, оказались очень плодотворными. Свои философские принципы он излагал устно, в форме лекций и дискуссий в небольшом кругу единомышленников – референтной группе. Сначала его интересы были сосредоточены на этике и эстетике, но с середины 1920-х годов, особенно после встречи с русскими формалистами, он развил свои литературные теории диалогизма и полифонизма, формулируя разнообразные модели языка в конкретных литературных контекстах.

Находясь в Невеле, Бахтин, подобно Пумпянскому и городскому философу-неокантианцу Матвею Кагану, преподавал в Единой трудовой школе. Она располагалась в кирпичном здании, сохранившемся до сих пор на улице Ульянова. Вскоре после приезда весной 1918 года Бахтин прочитал вводный курс лекций для местной интеллигенции. Курс был организован не по хронологическому принципу, а по философским темам. «Ну, главное внимание на своих лекциях я обращал на Канта и кантианство. Я это считал центральным в философии. Неокантианство. Да, неокантианство – это прежде всего, конечно, Герман Коген... Риккерт... Наторп, Кассирер».⁵³ Среди его самых внимательных слушателей была Мария Юдина. Много лет спустя Бахтин вспоминал: «Я на нее сразу обратил внимание: девушка молодая очень, полная, правда полная, большая, она была в совершенно черном платье. Вообще вид у нее был тогда совершенно монашеский, правда, контрастирующий с ее молодым лицом; молодыми глазами, сразу заметил ее, молодую девушку, довольно крупную, одетую во все черное. Она имела вид монахини <..> Ну, затем я познакомился с нею, конечно, ближе, и совсем, так сказать, уже стал своим человеком у них в доме».⁵⁴ Бахтин продолжает: «Мария Вениаминовна, когда я с ней познакомился, находилась под большим влиянием Льва Васильевича Пумпянского <..> Он был блестящий эрудит в области литературы, и в области иностранной литературы в особенности. Он знал много языков, читал чрезвычайно быстро. Он умел большую монографию прочитать в один вечер и потом ее отреферировать с очень большой точностью. В этом отношении у него способности были исключительные».⁵⁵

Казалось, к середине 1918 года Юдина и Пумпянский поменялись ролями – теперь она была отвергающей, а не отвергнутой стороной. Как вспоминал Бахтин, Пумпянский сделал Юдиной предложение в начале лета 1918 года, но она ему отказала. Отец и сестры Юдиной были категорически против этого брака, хотя предполагали, что они живут как помолвленная пара. Они считали, что Пумпянский совершенно непрактичен и непригоден для роли мужа. Бахтин соглашался – поистине, тот был гораздо более не от мира сего, чем сама Юдина. Летом 1918 года Пумпянский очень сильно переживал отказ Юдиной и так возненавидел отца Марии, что дал ему пощечину и готов был подраться. Бахтин вспоминал: «А потом они опять подружились, восстановили дружбу, и все это кончилось благополучно».⁵⁶ Согласно другим источникам, Вениамин Юдин спустил Пумпянского с лестницы, когда тот попросил руки его дочери.

⁵² Там же, стр. 616.

⁵³ Там же, стр. 617.

⁵⁴ Там же, стр. 616.

⁵⁵ Там же, стр. 617.

⁵⁶ Там же, стр. 625.

Конечно, Вениамин Юдин был нетерпим ко всем религиозным людям, но перешедший в православие еврей для него был двойным оскорблением.

Летом 1918 года постепенно формировался Бахтинский кружок⁵⁷. Позже, 30 июля 1919 года, он был официально учрежден как Невельское академическое общество. Несмотря на небольшой размер, с начала 1900-х годов Невель славился интеллектуальной и музыкальной жизнью, имелся даже собственный оркестр. Как отмечал Бахтин, его жители легко могли вести дискуссии с приезжими философами.

Основным создателем кружка стал местный философ Матвей Каган. Он недавно вернулся из Лейпцига, Берлина и Марбурга, где учился у видного неокантианского философа Германа Когена. Ярким и эксцентричным дополнением к группе стал Борис Зубакин, который, как и Пумпянский, находился на военной службе и в то время жил в Невеле. Литератор, талантливый поэт, историк и археолог, музыкально одаренный Зубакин был ведущим членом тайного Ордена розенкрейцеров и незадолго до 1917 года стал великим Магистром Петроградской ложи. Бахтин в своих воспоминаниях определенно причислял его к масонам, и действительно, есть признаки того, что весь Бахтинский кружок в Невеле был связан с масонской практикой.

Зубакин, в свою очередь, убедил своего звездного друга и брата-розенкрейцера Валентина Волошинова переехать из голодного Петрограда в Невель. Талантливый поэт, несостоявшийся пианист, Волошинов был вынужден бросить игру из-за того, что переболел туберкулезом и его руки деформировались. Волошинов особенно сблизился с Бахтиным после того, как в 1920 году они оба переехали в Витебск и жили на одной квартире. Хотя создание кружка приписывают Кагану, вернувшемуся из Германии, именно Бахтин считался его центральной фигурой; он стал председателем Невельского академического общества. Благодаря исключительной ясности мысли, он был несомненным интеллектуальным лидером группы, а Пумпянский стал ее духовным руководителем. Когда в 1919 году последний переехал в Витебск, он призвал других членов кружка последовать его примеру. Некоторое время деятельность Общества была разделена между Невелем и Витебском, но к 1920 году все участники покинули Невель, центром бахтинского кружка стал Витебск. Святая святых Общества состояла из двенадцати активных участников, которые встречались почти ежедневно на протяжении 1918–1919 годов. Юдина была среди них. Участники ночных дискуссий до раннего утра поддерживали силы крепким чаем. Когда слова иссякали, Юдина садилась за фортепиано и играла для философов. В то время она увлеклась полифоническими произведениями Баха, выучив оба тома «Хорошо темперированного клавира», который она впоследствии сыграла на выпускном экзамене в Петроградской консерватории.

Любопытно, обсуждали ли Бахтин и Юдина применение музыкальной полифонии и ее правил в других дисциплинах? Основная полифоническая теория Бахтина была разработана в его работе о Достоевском, которую он начал писать в Витебске и опубликовал в 1929 году. Понимание полифонии у Бахтина основывалось на уникальной способности Достоевского представить галерею персонажей, каждый из которых автономен и самостоятелен в мыслях, словах и действиях, свободно играет свою роль и взаимодействует с другими, создавая в конечном итоге единую духовную картину. Читатель может обойтись без объективных описаний, мнений или суждений автора. Лев Толстой, видимо пренебрегающий первичным значением музыкальной гармонии в искусстве, писал в 1899 году в дневнике о полифонии: «Голос должен что-то сказать, но в данном случае голосов много, и каждый ничего не говорит». Такое определение полифонии показалось бы Юдиной и Бахтину совершенно нелепым. Это был период, когда в изобразительном искусстве широко использовали заимствования из музыкальной терминологии: в названиях картин Кандинского упоминались «симфонии» и «импровизации», а Филонов позже изобразил Первую симфонию Шостаковича. Писатель Андрей Белый создал четыре

⁵⁷ Подробная информация о бахтинском кружке в книге К. Кларк и М. Холквиста «Михаил Бахтин», 1984 г.

поэтическо-прозаических произведения под названием «Симфонии», написанных между 1902 и 1908 годами.

Сначала целью первого кружка Бахтина было исследование неокантианства, этических и моральных проблем, предмет внимания Марбургской школы. Вскоре их темы распространились на религию и проблемы литературоведения. Участники серьезно относились к своим социальным обязанностям: обучали людей пролетарского происхождения в Невельской трудовой школе, ездили с уроками в близлежащие деревни. Юдина в начале 1919 года принимала активное участие в создании первой в городе музыкальной школы – достижение, которым она по праву гордилась.⁵⁸

Полемические дебаты были в порядке вещей, и на публичных собраниях в Народном клубе имени Карла Маркса в Невеле члены кружка выступали против своих главных противников – марксистов. Участников делили на «товарищей» и «граждан».⁵⁹ Эти споры анонсировались и освещались в местной газете «Молот», главный редактор которой Ян Гутман был другом кружка, хотя и редко разделял точку зрения его участников. 3 декабря 1918 года «Молот» сообщил о недавней дискуссии, на которой гражданин Бахтин говорил на тему «Бог и социализм» и о том, как гражданин Пумпянский выступил в защиту религии, критикуя безнравственное отношение социализма к мертвым. Его оппонент-большевик товарищ Ян Гутман якобы ответил: «Мертвые не воскреснут, и заботиться о них не нужно...»⁶⁰

Другие встречи в Народном клубе проходили на такие темы, как «Лев Толстой и его творчество», «Культура и революция». Эти дебаты собирали многочисленных слушателей: в аудитории присутствовало до 600 человек, они активно участвовали в дискуссиях, вступали в ожесточенные споры. Когда Бахтин читал лекцию «Смысл жизни», дискуссия затянулась далеко за полночь, и ее пришлось продолжить на следующий день. Убежденный большевик, художник Гурвич любил полемизировать с членами кружка, хотя обычно проигрывал спор. Интересно, что, пока молодая Советская страна вела гражданскую войну, преодолевала трудности и боролась за выживание, обитатели Невеля были заняты философскими дискуссиями.

При том что Бахтин считался самым уважаемым мыслителем группы, Пумпянский и Каган были не менее востребованы как ораторы и лекторы. Лекции Кагана по философии на Еврейских курсах Невеля пользовались особенно большим спросом, а Зубакин развлекал публику своим актерским талантом и умением сочинять стихи экспромтом. Он, должно быть, производил странное впечатление на население Невеля своими оккультными философскими идеями, хотя его представления о единой братской любви и свободе были не так уж далеки от идеалов коммунизма. Большевики называли его «беспринципным поэтом», а другие критиковали «его сценические выходы».⁶¹ В День трудового красноармейца (12 октября 1919 г.) сообщалось: «Тов. Зубакин с большим жаром читал "Марсельезу" под аккомпанемент местного оркестра».⁶²

Юдина обладала незаурядным интеллектом, ее приняли в Бахтинский кружок. У нас нет свидетельств ее выступлений в публичных дебатах, но в камерных заседаниях группы она несомненно участвовала в дискуссиях. Сам Бахтин с большим уважением относился к уму Юдиной, отмечая, что: «...она обладает способностями к философскому мышлению, довольно редкому. Как вы знаете, философов не так много на счете. Философствующих очень много, но философов мало. И вот она как раз принадлежала к числу таких, которые могли бы стать филосо-

⁵⁸ Там же, стр. 21.

⁵⁹ Там же, стр. 606.

⁶⁰ Шацких А., Витебск: Жизнь искусства, стр. 290.

⁶¹ Там же, стр. 94–95.

⁶² Там же.

фами».⁶³ Бахтин отмечал, что и ее отец интересовался философией. «Это был умный и широкий человек, несмотря на свое несколько циническое мировоззрение еще старой докторской интеллигенции, немножко, чуть-чуть, даже какие-то пережитки 60-х годов, нигилизма...»⁶⁴

Увлечение же Марии немецким романтизмом во многом было связано с влиянием Пумпянского. Она могла читать на языке оригинала – как известно, большинство семей местной еврейской интеллигенции знали и использовали немецкий язык. Ранняя любовь Марии к йенским романтикам сохранилась на всю жизнь; среди своих любимых авторов она называла Людвига Тика, Фридриха фон Шлегеля, Новалиса (Фридриха фон Гарденберга), Брентано и Фихте. В философском плане Бахтин говорил о Юдиной: «Она <..> можно сказать, была шеллингианкой <..> отчасти гегельянкой, отчасти только, потому что ее совершенно не интересовала теоретико-познавательная сторона философии, ее не интересовала диалектика».⁶⁵

В летние и осенние месяцы Юдина, Бахтин и Пумпянский вместе совершали длительные прогулки. Из воспоминаний Бахтина: «Невель, окрестности Невеля исключительно хороши вообще, и город прекрасный. <..> Он расположен рядом с целой территорией озер, которые просто чудесны <..> Я излагал начатки нравственной философии, сидя на берегах озера <..> километрах в десяти от Невеля. И даже это озеро мы называли озером Нравственной Реальности. Оно никакого названия до этого не имело».⁶⁶

В 1919 году Юдина вернулась в Петроград, а на каникулы снова отправилась в Невель. Она также посетила Витебск, куда переехали участники кружка. Город превратился в важный культурный центр, во многом благодаря деятельности художника Марка Шагала, уроженца города. Шагал рассматривал революцию как возможность добиться равенства и отменить ненавистную черту оседлости со всей ее несправедливостью. В 1918 году Анатолий Луначарский, начальник Комиссариата просвещения, назначил его народным комиссаром (наркомом) искусств Витебска. Основав местную Школу народного искусства, Шагал не только реализовал свои образовательные цели, но и создал новаторские проекты, которые привлекли лучших русских художников, в том числе относительно консервативного Мстислава Добужинского, художника-авангардиста Эля (Илью) Лисицкого, супрематиста Казимира Малевича и его ученика, младшего двоюродного брата Юдиной, Льва Юдина. Шагал был движущей силой Школы, Малевич отвечал за создание в 1920 году Уновиса (Утвердителя Нового Искусства), крайне влиятельного отдела современного искусства, где он сформулировал свою теорию абстракционизма, назвав ее «Необъективность». В визионерском понимании Малевича абстрактная живопись должна быть освящена мистическими духовными качествами. Юдина знала Малевича и спустя годы вспоминала, что видела его культовую картину 1915 года «Черный квадрат» в Витебске.

Аналогичный ренессанс произошел и в театрально-музыкальной жизни Витебска. В 1918 году Луначарский санкционировал открытие Народной консерватории в Витебске, куда Пумпянский и Бахтин были приглашены читать лекции по эстетике. Здесь Пумпянский приобрел блестящего ученика – семнадцатилетнего Ивана Соллертинского, знатока романских языков, театра и истории искусства, в конечном итоге выбравшего своей дорогой в жизни музыковедение и позже ставшего художественным руководителем Ленинградской филармонии. Блестящий молодой эрудит познакомился с Юдиной, когда приехал в Невель послушать выступления Бахтина и Пумпянского, еще до их переезда в Витебск. Осенью 1921 года Соллертинский поступил в Петроградский университет, а шесть лет спустя стал неразлучным другом Дмитрия

⁶³ Лучи божественной любви, стр. 621.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, стр. 622.

⁶⁶ Там же, стр. 621.

Шостаковича, его доверенным лицом и равным ему по сардоническому остроумию. Он познакомил друга с творчеством Малера, который оказал огромное влияние на композитора.

Тогда же в Витебске появился симфонический оркестр, созданный дирижером Николаем Малько, приехавшим из Петрограда весной 1918 года. В течение следующих двух с половиной сезонов он дал около 250 концертов в Витебске и его окрестностях, затем оркестр был распущен. В 1922 году Малько вернулся в Петроград, чтобы преподавать в консерватории; Юдина взяла у него несколько уроков дирижирования. Будучи главным дирижером Петроградско-Ленинградской филармонии с 1924 года, он стал влиятельным человеком в новой музыкальной среде и первым исполнил ранние симфонические произведения Шостаковича.

Через два года после возвращения Юдиной в Петроград туда переехал из Витебска и Пумпянский, а в 1924 году – Бахтин со своей новой женой Еленой (Аленой). Когда кружок возобновил свою деятельность, Юдина была хозяйкой и участницей многих встреч. Петроград – это город, где Мария Юдина приняла христианство, стала участвовать в церковной жизни, посещала университетские курсы, закончила консерваторию и начала свою профессиональную карьеру. Невель остался для нее городом «детского рая», где развились ее музыкальные таланты и где началось ее интеллектуальное становление.

2

1919–1927

Крещение, университет, философские кружки

*Как часто плачем – вы и я – Над жалкой жизнью своей! О, если б
знали вы, друзья, Холод и мрак грядущих дней!*

Александр Блок⁶⁷

*Мы все были в какой-то степени «Летучие голландцы», мы – одна
из ветвей российской интеллигенции, мы были едины в этом искании
истины.*

Мария Юдина⁶⁸

В середине 1919 года Юдина вернулась в Петроград. Начался чрезвычайно насыщенный событиями одиннадцатилетний этап ее жизни. Бытие Марии как будто разделилась на три параллели. С сентября она училась дирижированию и композиции в консерватории – занятия на фортепиано были приостановлены из-за болезни рук. Она посещала курсы филологии и философии в Петроградском университете, расширяя и углубляя знания, полученные в бахтинском кружке в Невеле. Она стала членом сплоченного православного братства.

Прежде чем начать учебу в столице, Юдина приняла крещение и стала православной христианкой. 2 мая 1919 года ее крестили в Петроградской церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой улице. Таинство совершал отец Николай Чепурин. В храм пришли лишь несколько близких друзей. Лев Пумпянский, крестный отец Марии, не смог присутствовать. Накануне вечером он читал Юдиной вслух отрывки из сочинений Павла Флоренского, подготавливая ее к этому важному событию. Евгения Тиличеева, невеликая подруга Юдиной, участвовала в таинстве в роли крестной матери и оставила яркое воспоминание: «Внизу, под самым куполом храма, была большая купель <..> А еще над купелью, помню, были два или три небольших окна. День <..> был пасмурный, но когда начался обряд святого крещения, тучи немного рассеялись и в те оконца упал солнечный свет. Хорошо помню, как М. В. окутало золотое сияние».⁶⁹

Сводная сестра Марии Вера писала, что их отец был очень возмущен крещением дочери, он винил в этом Тиличееву и Пумпянского. Вера родилась в 1926 году, поэтому события, о которых она рассказывала, произошли задолго до ее рождения и стали частью семейной легенды. «При нем нельзя даже было упоминать ее (Тиличеевой) имени <..> Папа был атеист и не терпел никакой религиозности, ни православной, ни еврейской. Женихов М. В. он быстро отвалил. Пумпянского спустил с лестницы, и предполагающийся брак Маруси с ним так и не состоялся».⁷⁰ Вера писала: «Вениамин Гаврилович очень любил и ценил Марусю, несмотря на то что был обижен на нее за то, что она "связалась с попами". Называл ее "моя жемчужина". На концерты ходил, когда приезжал в Ленинград. Но тесного общения они избегали, даже когда она приезжала в Невель».⁷¹

Похожие наблюдения об отце Марии были и у подруги Юдиной Елены Скржинской:

⁶⁷ А. Блок, Стихотворения, поэмы. Роза и Крест, Москва: Художественная литература, 1974, стр. 211.

⁶⁸ Лучи божественной любви, стр. 105.

⁶⁹ Вспоминая Юдину, стр. 108.

⁷⁰ Там же, стр. 59.

⁷¹ Там же.

«Довольно суровый был, я бы сказала, "топорный"... Он конечно, не терпел окружения М. В., особенно Евгению Оскаровну (Тиличеву), которую, как свою крестную мать, М. В. почитала до самой смерти... Помню, был случай, как он приехал и... запустил чернильницей в ее божницу... Там у нее была олеография... А к ней прислонены иконки, висели цепочки, крестики и прочая мишура. Отец, когда все это увидел, взял чернильницу – и как хватит! Осталось пятно и потеки на стене, которые, помню, она пробовала отмыть. М. В. в тот раз пришла, как увидела, что натворил отец, но ссориться с ним не стала, была очень кроткой... Они спорили при мне, но она никогда не шла на обострение».⁷²

Вениамин Юдин так и не принял религиозных убеждений дочери, а Мария в его обществе мудро обходила провокационную тему. В 1920-е годы Юдина регулярно ходила в церковь. Для ее современников это не было чем-то необычным. За несколько лет до революции среди интеллигенции преобладал дух религиозного возрождения. Это было связано и с личными убеждениями, и со всеобщим ожиданием социальных и политических реформ. Поиски христианской веры обогащали внутренний мир Юдиной и одухотворяли ее игру. Спустя годы она вспоминала: «Итак, юность наша – многих, многих людей искусства, науки, практической жизни – была окрылена бескорыстием, бедностью, отдаленным гулом грохота гражданской войны в других концах нашей страны, если угодно – романтизмом <..>; в центре всех и каждого стояло искание истины... Каждый на свой лад мог повторить дивные слова Блока: "Я слышу шум переворачиваемых страниц истории"».⁷³

Однако этот внезапный переход от относительного экономического благополучия к революции, неопределенности и бедности принять было трудно. Подруга Юдиной Любовь Шапорина, первая жена композитора Юрия Шапорина, много позже записала в дневнике: «У нас в Петрограде начинался голод. Теперь, пережив блокаду, я понимаю, что это был еще не настоящий голод, голод, от которого за 3 года погибло 2,5 миллиона людей. Но переход от полного изобилия, достатка к исчезновению хлеба, мяса, многого другого был тяжел, мучителен».⁷⁴

В Невеле Юдина не чувствовала недостатка в продовольствии и топливе. Но суровая революционная обстановка в Петрограде не напугала ее:

«Мы не искали покоя, благоустройства, накопления; мы довольствовались воблой и лепешками из картофельной шелухи; веревочными туфлями, потертой одеждой. По словам Анны Ругевич (внучки Антона Рубинштейна), вставляли и ложились со стихами. Мы презирали "ростки НЭПа"⁷⁵, богатых; в 21 году в Петрограде оставался один извозчик, на нем ездила одна молодая дама чрезвычайной красоты, и мы все над нею открыто смеялись».⁷⁶

Конечно, осунувшиеся лица и расшатанные нервы большей части горожан свидетельствовали о другом. Однако оказалось, что материальные трудности были меньшим злом, чем большевистский террор. Шапорина вспоминала: «Дров в продаже не было. Все кололи свои столы и шкафы, ютились в одной комнате. Приобрести дрова было верхом блаженства <..> Электричество почти не горело, давалось, кажется, на час и на два. Если же электричество

⁷² Там же, стр. 85.

⁷³ Лучи божественной любви, стр. 112.

⁷⁴ Л. Шапорина, Дневники, том 1, стр. 64.

⁷⁵ Новая экономическая политика, введенная В. И. Лениным в 1921 году, временно разрешала свободное рыночное предпринимательство после периода военного коммунизма.

⁷⁶ Лучи божественной любви, стр. 113.

горело весь вечер и ночь, сердца обывателей сжимались в смертельном ужасе: это означало, что в квартале шли обыски».⁷⁷

ЧК⁷⁸, грозная тайная полиция, созданная в декабре 1917 года, через несколько недель после прихода к власти большевиков, была первым из советских репрессивных органов, начавших жесточайшую борьбу с контрреволюционной деятельностью. С самого начала ЧК получила полное право произвольно арестовывать и расстреливать людей, имея самые скудные доказательства их вины. Уже с начала 1918 года стране пришлось испытать власть террора, который быстро и полностью охватил ее.

Сразу после октябрьской революции государство создало свой управленческий аппарат в виде наркоматов (народных комиссариатов), их возглавлял Совет Народных Комиссаров. Комиссариат просвещения (Наркомпрос) под руководством Анатолия Луначарского отвечал за вопросы культуры и образования, проводил прогрессивную политику, просвещая пролетариат и проводя социальные реформы. Старые уважаемые университеты Москвы и Петрограда не скрывали своей враждебности новому режиму. Наркомпрос приказал, чтобы университеты продолжали работать, несмотря на холод и голод.⁷⁹ Но в 1920–1921 годах Петроградский университет практически прекратил свою деятельность, лишившись и преподавателей, и студентов. Ольга Фрейденберг, студентка классического отделения, писала двоюродному брату Борису Пастернаку 25 мая 1921 года: «Петербург прекрасен в заброшенности, с пустыми своими улицами, с травой и полевыми цветами по бокам тротуаров. Длительные несчастья сделали меня оптимистом. Как странно, что запустение родит приволье, из которого пробиваются цветы».⁸⁰

Похожую картину нарисовала в своих записях и Анна Ахматова: «Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме пыли, мрака и зияющей пустоты, ничего не было. Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. В Гостином дворе⁸¹ можно было собрать большой букет полевых цветов <..> Город не просто изменился, а решительно превратился в свою противоположность. Но стихи любили (главным образом молодежь) почти так же, как сейчас».⁸² Такая преданность искусству в годы бедствий была феноменом. Люди все равно жили страстными увлечениями, будь то поэзия, музыка, построение нового общественного порядка или защита религиозных убеждений.

Петроградская консерватория продолжала работать в холодные и голодные годы гражданской войны, во многом благодаря решительной самоотверженности ее директора Александра Глазунова. Прежде крепкий и грузный, Глазунов настолько похудел, что одежда висела на нем, как на пугале. Профессура перебралась из Петрограда в Киев, Тифлис (Тбилиси), Коктебель и Витебск, где еды и топлива было больше. К концу 1918 года любимый педагог Юдиной Николай Черепнин отправился в Грузию и стал директором Тбилисской консерватории. Он работал там до прихода большевиков в 1921 году, потом покинул страну и поселился в Париже.

На посту профессора дирижирования Черепнина сменил Эмиль Купер. Он был известен как оперный дирижер и прославился интерпретациями цикла Вагнера «Кольцо нибелунга» в Мариинском театре. Не меньшее признание получило его исполнение «Сказания о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова. В 1918 году Луначарский назначил Купера главным дирижером и директором бывшего Императорского театра, так временно назывался Мариинский

⁷⁷ Л. Шапорина, Дневники, том 1, стр. 70.

⁷⁸ Сокращение от «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем».

⁷⁹ Ш. Фитцпатрик, диссертация, Комиссариат просвещения при Луначарском, 1917–1921 гг., Оксфордский университет, 1969.

⁸⁰ Переписка Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг, стр. 58.

⁸¹ Огромный универмаг на Невском проспекте.

⁸² А. Хейт, Ахматова: Поэтическое странствие, стр. 57.

театр. В 1921 году театр получил новое имя – неблагозвучную аббревиатуру ГАТОБ (Государственный академический театр оперы и балета).

Для Юдиной Купер был фигурой легендарной. Еще студенткой она посещала репетиции его постановок Вагнера и «Китежа», где выступал самый известный тенор России Иван Васильевич Ершов. «Боже, что это был за Гришка Кутерьма⁸³, что за Зигмунд!» – писала Юдина о Ершове. – Он весь был живое воплощение Искусства <..> Без лишних слов, напыщенных фраз, поучений – он был жрец, жрец в основном дионисической Стихии, но – и аполлинического Разума...»⁸⁴

В 1921 году Купера назначили художественным руководителем Петроградской (позже Ленинградской) филармонии, он же стал главным дирижером Петроградского филармонического оркестра, воссозданного из прежнего состава. Купер относился к своим музыкантам как к детям и щедро помогал им материально в этот трудный период. Тем не менее, несмотря на связь с новыми советскими музыкальными учреждениями, Купер в 1924 году эмигрировал из Советского Союза и оказался в Нью-Йорке, где стал штатным дирижером Метрополитен-опера.

Купер был настолько впечатлен игрой молодой Юдиной, что назначил ее солировать в «Императорском» концерте Бетховена на открытии Петроградской филармонии 10 августа 1921 года, всего через несколько недель после того, как она закончила учебу. Концерт состоялся в белоколонном зале бывшего Дворянского собрания, где сверкали восемь огромных люстр. Юдиной это событие запомнилось по другой причине: «Я, грешная, была призвана Купером на открытии играть 5-й концерт Бетховена, но мне не следовало играть в сей день... То был день смерти Александра Б⁸⁵. Помню, Эмиль Альбертович объявил нам скорбную весть, оркестру и мне, а я – солист – уже сидела у раскрытого инструмента; оркестр настроился... Все встали, почти все плакали... Потом началась репетиция. Следовало отменить, перенести и репетицию, и концерт... Но увы... Не хватало понимания масштаба, историчности, невознаградимости сего события».⁸⁶

Великий поэт-символист Александр Блок получил признание в 1900-х годах. В октябре 1917 года он принял большевистский переворот, но очень скоро утратил иллюзии относительно благ революции. Он был в растерянности, чувствовал, что больше не сможет писать стихи: «Все звуки прекратились. Разве ты не слышишь, что звуков больше нет?» – вопрошал он писателя Корнея Чуковского. В 1921 году Блок смертельно заболел и умер в возрасте сорока лет.

Реакцию всех образованных людей, узнавших о смерти Блока, хорошо описала двадцатилетняя писательница Нина Берберова: «Чувство внезапного и острого сиротства, которое я никогда больше не испытала в жизни, охватило меня».⁸⁷ 10 августа на похоронах присутствовали более 500 человек. Писатели Андрей Белый, Владимир Пяст, Евгений Замятин высоко несли гроб Блока над головами скорбящих. Берберова писала: «Наверное, не было в этой толпе человека, который бы не подумал – хоть на одно мгновение, – что умер не только Блок, что умер город этот, что кончается его особая власть над людьми и над историей целого города, завершается круг российских судеб, останавливается эпоха, чтобы повернуть и помчаться к иным срокам».⁸⁸

⁸³ Пьяница-предатель в «Сказании о невидимом граде Китеже и девице Февронии» Н. Римского-Корсакова.

⁸⁴ Лучи божественной любви, стр. 110.

⁸⁵ Поэт Александр Блок скончался 7 августа, похоронен 10 августа, в день концерта Юдиной. Судя по всему, она имела в виду репетицию, состоявшуюся тремя днями ранее.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Н. Берберова, Курсив мой, стр. 123.

⁸⁸ Там же, стр. 125.

Смерть Блока стала страшным ударом для русской интеллигенции, но худшее было впереди. 3 августа за контрреволюционную деятельность ЧК арестовала одного из основателей акмеистского движения – тридцатипятилетнего поэта Николая Гумилева, первого мужа Анны Ахматовой. Гумилева обвинили в участии в монархическом, так называемом Таганцевском заговоре. 26 августа 1921 года он и еще шестьдесят человек были расстреляны. Это произошло незадолго до того, как Максим Горький предъявил помилование, которого он якобы добился от Ленина. Уже в 1922 году признали, что Гумилева и его соратников казнили по сфабрикованным обвинениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.